

АРТУР КОНАН

ДОЇЛ

АРТУР КОНАН
ДОЙЛ

Письма молодого врача
Загородные приключения

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44
Д62

Серия «Зарубежная классика»

Arthur Conan Doyle
THE STARK MUNRO LETTERS
BEYOND THE CITY

Перевод с английского *Е. Токарева*

Серийное оформление *А. Кудрявцева*

Дойл, Артур Конан.

Д62 Письма молодого врача. Загородные приключения : [романы] / Артур Конан Дойл ; [перевод с английского Е. Токарева]. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 352 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-154550-5

Артур Конан Дойл — автор, в котором органично соединились детектив и путешественник, поклонник науки и спиритизма, а также писатель и врач. Оставаясь всю жизнь верным своему врачебному призванию и черпая вдохновение из него, мастер писал: «...любой врач должен быть благодарен судьбе за свою профессию. Ведь делать добро — это такое огромное удовольствие, что впору платить за эту привилегию...»

«Письма молодого врача» — это история жизни молодого доктора Старка Монро. Во многом автобиографичное произведение, почти все персонажи которого списаны с реальных прототипов. Доктор только собирается открыть собственную практику и пишет об отношениях с родителями, знакомстве с будущей женой, о своих стремлениях и планах. А также об очередных затеях приятеля — врача Джеймса Каллингворта, который то медицинскую практику пытается изменить коренным образом, то и вовсе придумывает невероятные изобретения.

А в романе «Загородные приключения» Дойл рассказывает историю неутомной миссис Уэстмакотт — убежденного борца за права женщин, которая нарушает спокойствие мирного городка и меняет судьбу большинства местных жителей.

УДК 821.111-32
ББК 84(4Вел)-44

Письма молодого врача

Сборник из двенадцати писем, написанных Дж. Старком Монро, бакалавром медицины, своему другу и бывшему однокурснику Герберту Свонборо из Лоуэлла, штат Массачусетс, в период с 1881 по 1884 годы.

Отредактированы и подготовлены
к печати Артуром Конан Дойлом

Письма моего друга мистера Старка Монро представляются мне составляющими столь единое целое и так ярко и доступно описывающими трудности, с которыми приходится сталкиваться молодому человеку в начале его профессиональной карьеры, что я решил передать их джентльмену, намеревающемуся издать их книгой. Два из них, письма пятое и девятое, нуждаются в некоторых сокращениях, однако надеюсь, что в целом их можно воспроизвести в их изначальном виде. Уверен, что ничто не было бы более приятно моему другу, чем знание того, что другой молодой человек, донимаемый заботами и неприятностями этого мира и снедаемый сомнениями касательно мира последующего, обрел бы силу и поддержку, прочтя о том, как его собрат миновал лежавшую перед ним долину теней.

Герберт Свонборо,
Лоуэлл, штат Массачусетс

Письмо первое

Дома, 30 марта 1881 года

Мой дорогой Берти, очень по тебе скучаю после твоего возвращения в Америку, поскольку ты единственный человек на земле, с которым я мог бы быть до конца откровенным. Сам не знаю, отчего бы так — ведь если задуматься, то ты никогда не доставлял мне радости быть со мною столь же искренним. Но это, возможно, моя вина. Вероятно, ты не находишь меня сочувствующим, хотя я изо всех сил хочу быть таковым. Могу лишь сказать, что считаю тебя наделенным огромной долей понимания и сопереживания, пусть я и несколько обольщаюсь на этот счет. Но нет, интуиция мне подсказывает, что не наскучу тебе своими откровениями.

Ты помнишь учившегося вместе с нами Каллингворта? Весьма возможно, что нет, поскольку ты не принадлежал к сообществу спортсменов. В любом разе, я изначально приму, что не помнишь, и расскажу все с самого начала. Уверен, что на фотографии ты бы его узнал хотя бы потому, что на нашем курсе он был самым непривлекательным и неприятным на вид студентом.

Физически он был настоящим атлетом, одним из самых быстрых и решительных нападающих регбистов, которых мне доводилось встречать, однако он играл так грубо, что так и не вышел за пределы узкого круга. Роста он был почти метр восемьдесят, широкоплечий, грудь колесом, с быстрой

и порывистой походкой. Голова у него была большая и круглая с короткими вьющимися черными волосами. Лицом он обладал на удивление неприятным, но непривлекательность его была того рода, что притягивает так же, как и красота. Его резко очерченные брови и нижняя челюсть выдавались вперед, крупный красноватый нос нависал над губами; маленькие и близко посаженные светло-голубые глаза постоянно меняли свое выражение, становясь то благодушно-веселыми, то чрезвычайно злыми. Над верхней губой красовались тонкие, закрученные кверху усики, а зубы у него были желтые, крупные и длинные. Прибавь к этому, что он редко надевал воротничок или галстук, что шея у него была шероховатой и цвета еловой коры, а голос и особенно смех напоминали рев быка — и ты получишь некоторое представление (если сможешь совместить все описанное воедино) о внешности Джеймса Каллингворта.

Но более всего достоин описания его внутренний мир. Я не претендую на знание того, что есть гений. Определение Томаса Карлейля всегда казалось мне очень ясной и четкой дефиницией того, чем гений НЕ ЯВЛЯЕТСЯ. Насколько я мог заметить, вместо безграничной способности прилагать усилия и старания, что считается главной чертой гения, гениальность состоит в том, что ее обладатель достигает результатов благодаря интуиции и чутью, в то время как остальные добиваются их упорным трудом. В этом смысле Каллингворт — величайший гений, какого я когда-либо знал. Похоже, он никогда особо не работал, однако получил премию по анатомии, опередив занимавшихся по десять часов в день. Возможно, это ничего не доказывает, поскольку он мог напроказ целый день слоняться без дела, а потом до утра сидеть над книгами. Однако стоило с ним заговорить на какую-либо тему, как ты тотчас замечал его оригинальность и силу ума. Заговори о торпедах — он схватит карандаш, вытащит из кармана какой-нибудь старый конверт и нарисует новое устройство для разрушения защиты корабля и его потопления, которое, несомненно, бу-

дет технически невозможно, однако, по крайней мере, выглядит вполне правдоподобно и новаторски. Пока он рисовал, его щетинистые брови смыкались, глаза сверкали от волнения, губы сжимались, а закончив, он хлопал по рисунку раскрытой ладонью и торжествующе вскрикивал. Можно было подумать, что цель всей его жизни — изобрести торпеды. Но если в следующее мгновение ты удивишься, как это египетским строителям удавалось поднимать каменные блоки на вершины пирамид, то снова появятся карандаш и конверт, и он с той же энергией и убежденностью начертит схему подъема. Эта его изобретательность сочеталась с исключительной живостью характера. Пока он порывисто расхаживал во время очередного прилива вдохновения, он брал патенты на свое изобретение, принимал тебя партнером в свое предприятие, открывал его во всех цивилизованных странах, намечал все возможные применения своему открытию, подсчитывал все вероятные прибыли, определял новые сферы, куда их можно вложить, и, наконец, уходил на покой с огромнейшим из когда-либо нажитых состояний. А ты, подхваченный потоком его слов, проходил вместе с ним каждый шаг и испытывал сильное потрясение, когда внезапно падал с небес снова на землю, опять становясь бедным студентом с «Физиологией» Кирка под мышкой и мелочью в кармане, которой едва ли хватит на обед.

Перечитал написанное и вижу, что не смог составить у тебя истинного представления о поистине демонической одаренности Каллингворта. Его взгляды на медицину были в высшей степени революционными, но позволю себе заметить, что если задуманное оправдает свои обещания, то я смогу много рассказать о них позже. С его блестящими и необычными талантами, его спортивными достижениями, его странной манерой одеваться (шляпа на затылке и голая шея), его громовым голосом, его гипнотически неприятным лицом он был самой яркой и незаурядной личностью, которую мне когда-либо доводилось встречать.

Ты, возможно, сочтешь, что я слишком уж распространяюсь об этом человеке, однако, как может показаться, если его жизнь переплелась с моей, то эта тема вызывает у меня живейший интерес, и я пишу все это с целью оживить свои несколько потускневшие впечатления, а также в надежде пробудить твой интерес и развлечь тебя. Поэтому я должен привести тебе пару случаев, которые смогут помочь тебе яснее представить его характер.

Было в нем что-то героическое. Однажды он попал в ситуацию, когда пришлось выбирать — или скомпрометировать даму, или выпрыгнуть из окна второго этажа. Ни секунды не колеблясь, он выскочил из окошка. К счастью, он упал сквозь пышный лавровый куст на мягкий после дождя газон, отделавшись легким испугом и царапинами. Если придется сказать о Каллингворте что-либо плохое, расцени этот инцидент со знаком минус.

Он любил грубые шутки и дурачества, но в них лучше было не участвовать, поскольку никогда нельзя было сказать, чем они закончатся. Характер у него был просто адский. Я видел, как однажды в анатомичке он на пару с сокурсником начал дурачиться, а через мгновение от веселости не осталось и следа, его маленькие глаза злобно засверкали, и оба они уже катались под столом, вцепившись друг в дружку, словно собаки. Каллингворта вытащили оттуда, задыхавшегося и лишившегося от злобы дара речи, со вставшими дыбом, как у бойцового терьера, курчавыми волосами.

Иногда воинственность его характера проявлялась во благо. Помню, как один видный лондонский ученый читал нам лекцию, то и дело перебиваемую ремарками сидевшего в первом ряду молодого человека, явно получавшего от этого удовольствие. Наконец, лектор обратился к аудитории.

— Господа, эти реплики невыносимы, — произнес он. — Кто-нибудь избавит меня от надоедливых комментариев?

— Придержите язык, вы, сэр в первом ряду! — протрубил Каллингворт своим бычьим рыком.

— Может, вы меня еще и заставите? — проговорил возмутитель спокойствия, с презрительным взглядом обернувшись к Каллингворту.

Тот закрыл тетрадь и, к великой радости трехсот зрителей, начал спускаться по ступенькам аудитории. Было отрадно видеть, как он аккуратно пробирался среди чернильниц. Когда он спрыгнул с последней ступеньки на пол, противник нанес ему жуткий удар в лицо. Однако Каллингворт вцепился в него бульдожьей хваткой и потащил прочь из аудитории. Не знаю, что он сделал с противником, но раздался такой грохот, словно наземь вывалили тонну угля, и вершитель закона вернулся со спокойным видом человека, выполнившего свой долг. Один глаз у него напоминал перезрелую сливу, но мы прокричали ему троекратное «ура», пока он возвращался на свое место. Затем все продолжили разбор опасности осложнений предлежания плаценты.

Пил он не очень много, но даже малая доза алкоголя действовала на него очень сильно. Именно тогда ему в голову приходили мысли одна фантастичнее и сумасброднее другой. А если он переходил черту разумного, то с ним приключались вещи поистине поразительные. Иногда его охватывала агрессивность, иногда страсть к проповедничеству, а временами его тянуло на шутовство. Случалось, что эти состояния сменяли друг друга, да так быстро, что сбивали с толку окружающих. Опынение выявляло все его мелкие странности. Одной из них было то, что он мог идти или бежать совершенно прямо, однако всегда наступал момент, когда он бессознательно разворачивался и возвращался обратно. Иногда это производило странный эффект, как в случае, о котором я тебе расскажу.

С виду очень даже трезвый, но явно под влиянием винных паров, он однажды вечером отправился на вокзал. Подойдя к окошку кассы, Каллингворт самым вежливым то-

ном спросил, далеко ли до Лондона. Кассир было подался вперед, чтобы ответить, как тут Каллингворт пробил кулаком окошко и нанес тому сокрушительный удар по лицу. Клерк слетел с табуретки, на его полные боли и негодования вопли сбежались полицейские и железнодорожники. Они бросились вдогонку за Каллингвортом, но тот, быстрый и проворный, как борзая, оставил их позади и исчез во тьме, убежав по длинной и прямой улице. Преследователи остановились и сбились в кружок, обсуждая происшествие, но тут, подняв глаза, к своему изумлению увидели скрывшегося от них человека, который со всех ног бежал в их сторону. Понимаешь, проявилась одна из его странностей, и он бессознательно изменил направление бегства. Ему поставили подножку, навалились всем гуртом и после долгой и отчаянной борьбы притащили в полицейский участок. Наутро он предстал перед мировым судом, но произнес в свою защиту такую блистательную речь, что переманил судью на свою сторону и отделался пустяковым штрафом. После его приглашения свидетели и полицейские отправились вместе с ним в ближайшую таверну и «закрыли дело» обычными возлияниями виски с содовой.

Ну вот, если и после этих ярких примеров мне не удалось создать у тебя внятного представления об этом человеке — способном, притягательном, нещепетильном, интересном и многостороннем — то я должен отчаяться достигнуть этого впредь. Однако полагаю, что цели своей я добился, и продолжу рассказом, мой терпеливейший из слушателей, о своих личных отношениях с Каллингвортом.

Когда мы только с ним познакомились, он был холостяком. Однако в конце долгих каникул он повстречался мне на улице и громовым голосом со свойственным ему неистовым похлопыванием по плечам сообщил, что совсем недавно женился. Приняв его приглашение, я отправился к нему, чтобы познакомиться с его женой. По дороге он рассказал мне историю своей женитьбы, оказавшейся столь же необычной, как и все, что он делал. Я не стану ее тебе

излагать, мой дорогой Берти, поскольку я чувствую, что уже и так слишком часто отклоняюсь от темы, но отмечу, что история эта была довольно шумной, где не последнюю роль сыграли запираание гувернантки в ее комнате и перекрашивание волос Каллингворта. Касательно последнего замечу, что ему так до конца и не удалось избавиться от следов покраски, и с тех пор к его особенностям добавилось еще и то, что его волосы начинали переливаться всеми цветами радуги, когда солнечный свет падал на них под определенным углом.

Так вот, я поднялся к нему в квартиру и был представлен миссис Каллингворт. Это была робкая невысокая сероглазая женщина с тихим голосом и мягкими манерами. Стоило лишь увидеть, как она смотрела на него, чтобы понять, что она полностью подчинена его влиянию: что бы он ни сделал, что бы он ни сказал — для нее это всегда было наилучшим. Она могла быть и упрямой, но тихо и ненавязчиво, и упрямство ее всегда подкрепляло слова или действия мужа. Однако об этом я узнал лишь немного позже, а во время моего первого к ним визита она произвела на меня впечатление самой милой и кроткой женщины из всех, кого мне доводилось знать.

Жили они довольно странно в квартире из четырех небольших комнат над бакалейной лавкой. Там была кухня, спальня, гостиная и четвертая комната, которую Каллингворт упорно считал очень нездоровой и рассадником болезней, однако я уверен, что это убеждение возникло у него из-за просачивавшегося снизу запаха сыра. В любом разе, он со свойственной ему энергией не только запер эту комнату на ключ, но и заклеил лакированной бумагой все щели в двери, чтобы не дать распространиться воображаемой инфекции. Мебели там был самый минимум. Помню, в гостиной стояло всего два стула, так что когда кто-то приходил в гости (думаю, что это был только я), Каллингворт усаживался в углу на высокую стопку ежегодников «Британского медицинского журнала». Я прямо вижу, как

он подпрыгивает со своего низкого сиденья и расхаживает по комнате, ревя и размахивая руками, а его кроткая жена тихонько сидит в уголке и слушает, глядя на него любящим и обожающим взором. Заботило ли кого-то из нас, на чем мы сидим и как мы живем, когда в жилах бурлила юная кровь, а души пылали, окрыленные открывавшимися возможностями? Я до сих пор считаю эти богемные вечера в комнате с голыми стенами, пропахшей сыростью, самыми счастливыми в своей жизни.

Я стал часто посещать Каллингвортов, поскольку получаемое мною удовольствие становилось еще сильнее от удовольствия, которое, как я надеялся, доставлял им своими визитами. Они ни с кем не общались и не хотели общаться, так что в плане социальном я, похоже, был единственным звеном, связывавшим их с внешним миром. Я даже попытался вмешаться в их семейную жизнь. В то время Каллингворт проникся уверенностью, что причиной всех болезней современной цивилизации является отказ от жизни предков на свежем воздухе, и вследствие этого держал окна открытыми день и ночь. Поскольку его жена явно обладала слабым здоровьем, но предпочла бы умереть, нежели выказать свое несогласие с ним, я решил высказать ему, что кашель, от которого она страдала, едва ли можно будет вылечить постоянным пребыванием на сквозняках. Он ужасно рассердился на это мое вмешательство, и я было решил, что мы поссоримся, но его злость выветрилась, и он стал более внимателен касательно проветривания комнат.

В ту пору наши вечерние занятия носили самый необычный характер. Знаешь, существует такая штука — амилоид — вещество, которое откладывается в тканях при некоторых болезнях. Патологоанатомы много спорили о том, что это за вещество и как оно образуется. Касательно этого предмета Каллингворт был твердо убежден, что амилоид на самом деле является тем же самым, что и вырабатываемый печенью гликоген. Но одно дело придерживаться какой-либо мысли, другое — быть способным ее дока-